

УДК 811.512.153

UDC 811.512.153

Бурнакова Клара Николаевна
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Klara N. Burnakova
Institute of Foreign Languages
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation
klara_burnakova@mail.ru

Боргоякова Татьяна Николаевна
Федеральный институт развития образования
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Москва, Российская Федерация
Tatyana N. Borgoyakova
Federal Institute of Education Development
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
borgtatyana@rambler.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ
В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ¹
THE INTERACTION OF VERBAL TENSE FORMS
IN FOLKLORE TEXTS

Аннотация

Данная статья посвящена изучению взаимодействия форм прошедшего времени глаголов на примере хакасских фольклорных текстов. В научной литературе формы прошедшего времени современного хакасского языка освещены достаточно хорошо, однако их функционально-семантические характеристики описаны на уровне предложения и специально не рассматривались на уровне связного текста. Народные сказки являются оригинальными текстами и уникальными образцами связного текста. Анализ этих текстов показал, что из общего количества форм прошедшего времени текстообразующими свойствами обладают четыре формы: *-ган*, *-ды*, *-тыр* и *-чых*. В статье раскрываются их функциональные характеристики и специфика взаимодействия на уровне текста. Первые три формы указывают на соответственно повествовательность, результативность и неочевидность, в то время как последняя – употребляется в текстах малого объёма и участвует в создании контраста уверенного утверждения и неочевидности.

Abstract

This article focuses upon the interaction of verbal past tense forms in the Khakass folklore texts. The past tense forms of the modern Khakass language are investigated quite well in the scientific literature, but their functional and semantic characteristics are described only at the sentence level and were not specifically studied at the level of a connected text. Folk tales are original texts and unique examples of a coherent text. The analysis of the texts showed that out of the total number of past tense forms, 4 forms have text-forming properties: *-gan*, *-dy*, *-tyr* and *-chyh*. The article reveals their functional features and specific interaction patterns at the text level. The first 3 indicate narrative, result and vagueness correspondingly, whereas the last one is used in small texts and participates in creating the contrast of assurance and vagueness in the statement.

¹ Работа выполнена по проекту No11.12. в рамках государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Ключевые слова: тюркология, временные формы глаголов, прошедшее время, функционально-семантический анализ, сказка.

Keywords: Turkology, verbal tense forms, Past Tense, functional-semantic analysis, fairy tale.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_26_32

1. Введение

Опыт проведения лингвистического анализа хакасских фольклорных материалов невелик. Среди исследователей фольклорных текстов можно назвать О. В. Субракову, осуществившую лингвистический анализ языка хакасского героического эпоса [Субракова, 2007]. В рамках данной статьи рассматриваются хакасские народные сказки и грамматические средства, выполняющие текстообразующую функцию. К подобным грамматическим средствам относятся прежде всего временные формы глагола. Им принадлежит чрезвычайно важная роль в организации фольклорного текста. В статье рассматриваются не все временные формы, а лишь те из них, взаимодействием которых создаётся связный текст в процессе повествования сказки. В таком аспекте сказки представляют собой важный источник научного исследования языковых единиц. В хакасских народных сказках используются разные лингвистические средства для выражения времени действия, которые можно разделить на три основные группы: лексические, грамматические и стилистические. Категория времени имеет связь с внеязыковой действительностью, поскольку в языковом плане все явления и события могут относиться лишь к одной из трёх временных плоскостей – к настоящему, прошедшему или будущему, и выражает отношение между временем совершения действия и моментом речи.

В современном хакасском языке категория глагольного времени представлена довольно сложной системой, состоящей из простых и сложных по своей структуре форм. Общеизвестно, что наибольшее число имеют формы прошедшего времени (7 форм), несколько меньше (6 форм) приходится на долю настоящего времени, и одним аффиксом представлено будущее время [Дыренкова, 1948 ; Грамматика..., 1975 ; Боргоякова, 2002 ; Карпов, 2007]. Анализ функционально-семантических особенностей простых форм показал, что они прошли сложный процесс развития на пути к становлению всей временной системы хакасского языка. Большинству из этих форм присуща определённая дополнительная модальность, аспектуальность, эвиденциальность, которые в сочетании с временным значением образуют сложные семантические комплексы, нередко поддающиеся объяснению лишь на уровне лингвистики текста. В этом смысле оригинальные образцы устного народного творчества являются той естественной средой, в которой наиболее полно раскрываются функционально-семантические особенности каждой формы и всей временной системы хакасского языка в целом.

В рамках данной статьи рассматриваются взаимодействия тех временных форм, роль которых конструктивна и является основой для общей организации текста сказки. К анализу были привлечены такие формы как: прошедшее неопределённое время на *-ган*; формы прошедшего времени на *-тыр*, *-ды* и *-чых* в сравнительно-сопоставительном плане.

2. Формы прошедшего времени

2.1. Форма прошедшего неопределённого времени на *-ган*

Форма прошедшего неопределённого времени имеет шесть аффиксов с сингармоническими фонетическими вариантами: *-ган* / *-ген* / *-хан* / *-кен* / *-ан* / *-ен* [Дыренкова, 1948, с. 92 ; Грамматика..., 1975, с. 210].

Выбор указанной формы на *-ган* обусловлен тем, что благодаря её широкой употребительности и взаимодействию с другими специфическими временными формами становится возможным создание главного «каркаса» фольклорного текста.

Прошедшее неопределённое время на *-ган* для хакасской народной сказки является временем традиционно используемым в повествовании, отсылающим слушателя или читателя к событиям давно минувших дней. Указанная форма прошедшего времени имеется во многих языках тюркской языковой семьи. Спецификой же хакасской формы на *-ган* выступает довольно чёткая оппозиция, сложившаяся между ней и другими формами прошедшего времени, что очень ярко прослеживается на примерах устного народного творчества, какими являются народные сказки. Эта глагольная форма прошедшего времени служит для описания событий прошлого как в сказках, так и в других литературных произведениях современного хакасского языка. Данная форма на *-ган* является доминирующей среди остальных форм прошедшего времени, основным значением которой выступает констатация «факта совершения действия в прошлом, результат или следствие которого может сохраняться и в настоящем» [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 457; Грамматика..., 1975, с. 211]. В отличие от других форм прошедшего времени глагола она не имеет никаких дополнительных оттенков значения, семантически нейтральна и потому не маркирована с точки зрения аспектуальности, акциональности, модальности, что позволяет ей быть основным средством выражения событий в плане абсолютного прошлого, а также играть роль связки, объединяющей в единое временное пространство всё многообразие лексико-грамматических средств как в текстах сказок, так и в разнообразных по своему жанру современных литературных произведениях.

Форма на *-ган* возникает непосредственно после вводной части – зачина. Это подтверждено на материале 53% проанализированных сказок, например:

(1) *Ўр дее сагынмин, чииттер тайгазар чөрібіскеннер.* – ‘Недолго думая, молодые ушли в тайгу’ [ХЧН, 1986, с. 42].

Этим предложением передаётся первая конкретная информация о главном герое сказки, которая следует непосредственно после зачина, содержащая самую общую информацию о данном персонаже. Форма на *-ган*, имея значение прошедшего абсолютного времени, на протяжении всей сказки, начиная от зачина до концовки, форма на *-ган* подчёркивает отнесённость к прошлому представленных в сказке действий, состояний и всевозможных ситуаций. Вследствие того, что форма на *-ган* является семантически немаркированной, она не имеет ограничений в лексической сочетаемости и во взаимодействии с другими видовременными, а также модально-временными формами. Подобное положение открывает ей широкие функциональные возможности и ставит её на порядок выше других временных форм, так как она выполняет ключевую роль в механизме текстообразования в хакасских сказках. Из этого следует, что форму на *-ган* можно считать своеобразной скрепой, обеспечивающей структурную и смысловую связанность разных фрагментов текста, объединяя их в единое временное пространство.

2.2. Форма прошедшего времени на *-тыр*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-тыр / -тір*, *-нтыр / -нтір*. Она широко употребительна, указывает на отсутствие прямой связи между описываемым событием и сказителем, что подтверждается статистическими данными. В 80% проанализированных сказок зачин имеет эту форму при конечном сказуемом. В хакасском языке эту форму принято называть прошедшим «заглазным» временем на *-тыр* [Грамматика..., 1975, с. 218].

Данный специфический показатель прошедшего времени встречается также в тувинском языке это «прошедшее повествовательное время на *-нтыр*» со значением «мо-

мента неожиданности действия и напряженности речи» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 374]. По утверждению авторов грамматики тувинского языка форма *-тыр / -нтыр* широко используется в сказках – в зачине, во всем ходе изложения и в концовке – в качестве глагольной формы прошедшего повествовательного времени для передачи событий и происшествий, которые часто сменяют друг друга [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 374].

В хакасском же языке аналогичная форма, несмотря на некоторые совпадения в сфере функционирования, имеет свои особенности и весьма ограниченное употребление, её функции не связаны с повествованием всего текста сказки. По-видимому, сказители хакасского языка используют формы прошедшего времени на *-тыр / -нтыр* в качестве наиболее удобного и выразительного средства для погружения слушателя в пространственно-временные рамки повествования фольклорного текста. При этом конечные сказуемые, относящиеся к зачину, чаще всего стоят в форме глагольного времени на *-тыр / -нтыр*, а также сказуемое последнего предложения также будет иметь данную форму. В дальнейшем эта форма может быть использована только в развязке или в тех фрагментах текста, которые ведут к заключительному финалу.

Для наглядности приведём несколько примеров употребления данной временной формы.

(2) *Хачан-да Хара Ыус хазында Харай теен кизи чурта=нтыр* [ХП, 1979, с. 51] – ‘Когда-то на берегу реки Хара Уус жил(=видимо) человек по имени Харай’.

(3) *Ол арада Аязың-Хоо тiп хыс полтыр* [ХЧН, 1986, с. 7] – ‘Там девушка по имени Аязын-Хоо жила(=видимо)’.

(4) *Аның соонаң чиит ирепчи, нiр дее нимедең хорыхтин, чырган-мөттеп чуртабыс=тыр=лар* [ХП, 1979, с. 55] – ‘После этого молодожёны, ничего не боясь, зажили счастливо’.

Все эти предложения представляют собой три разных фрагмента сказки: первый фрагмент является первым предложением зачина сказки; второй – первым предложением новой сюжетной линии в повествовании сказки; третий – последним предложением, завершающим сказку. Как правило, в каждой сказке существуют такие фрагменты текста, которые становятся наиболее значимыми благодаря этой временной форме. Их можно представить в виде схемы: Зачин – Новый сюжет – Концовка сказки. Таким образом, в сказке форма заглазного времени на *-тыр / -нтыр* является своеобразным маркером новой значимой информации.

2.3. Форма прошедшего времени на *-ды*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-ты / -ти*, *-ды / -ди*. Она функционирует практически во всех современных тюркских языках и относится к одной из наиболее полно описанных временных форм. В хакасских сказках употребление формы на *-ды* бывает связано с необходимостью выразить особую экспрессивность, подчеркивающую достоверность или очевидное действие, например:

(5) *Харол пай хада чиде тус=ти. Арагаларын тудына кiр кил=ген=нер* [ХП, 1979, с. 123] – ‘В это время (неожиданно / внезапно) явился вместе богач Харол. Держа в руках вино зашли=они’.

В первом предложении употреблена форма на *-ды*, выполняя роль маркера она указывает на смену эпизодов внутри одного сюжета. Следующее за ним предложение, как и другие, которые включены в повествование данной ситуации, будут представлены в форме на *-ган* или в любой другой временной форме в соответствии с дальнейшим развитием событий. Последующее появление предложений с временной формой на *-ды* возможно при завершении описания прошлого, выступая как маркер для завершения

представляемых явлений действительности, или при переходе к нарративу других событий. В этом случае она является своеобразным сигналом перехода к новым или просто к другим ситуациям, персонажам и прочее.

В современных тюркских языках значение формы на *-ды* определяется как «прошедшее достоверное, категорическое или очевидное, законченное, лишённое модальных и видовых оттенков» [Щербак, 1981, с. 81; Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 365; Рассадин, 1978, с. 209], в хакасском языке это время определяется как недавнопрошедшее время [Карпов, 2007, с. 155]. Для хакасского языка особенно важным является замечание А. М. Щербака о законченности действия, выражаемое формой на *-ды*, при этом подчёркивается, что действие является внутренне исчерпанным и не служит фоном для другого действия, а также то, что «законченность и перфективность – это не одно и то же» [Щербак, 1981, с. 81]. В хакасском языке форма на *-ды* выражает наличие результата действия к моменту речи, например:

(6) *Пирсінде Пай апсах кизи улуг тагның алтында ойын-чарыс итчең чирге парды* [ХП, 1979, с. 70] – ‘Однажды старик Пай пошёл к месту проведения состязаний у подножия большой горы’.

При необходимости же выразить перфективность используются глагольные аналитические конструкции, представляющие собой сочетание слитного (на *-а*) или соединительного (на *-н*) деепричастия с одним из вспомогательных глаголов, используемых для выражения недлительности действия, например: *агылды* ‘принёс’ подчёркивается – факт совершения действия к моменту речи, наличие результата, но *-агыл салды* ‘принёс’ – завершённость действия к моменту речи. Хакасская форма на *-ды*, как и аналогичная форма в других тюркских языках, также выражает достоверность, или очевидное, законченное, лишённое модальных и видовых оттенков действие. Однако следует особо подчеркнуть, что она, в отличие от тувинского, алтайского и некоторых других тюркских языков, существенно ограничена функционально, то есть сфера её употребления сводится к выражению результативности к моменту речи. В объёмных повествовательных текстах хакасская форма на *-ды* может исполнять роль маркера, сигнализирующего о неожиданном появлении новых действующих лиц, об изменении пространственно-временного фона описываемого события и прочее. В фольклорных текстах её функции определяются именно этими семантическими особенностями. Как правило, она не обладает свойствами пересказывательного претерита, отмеченного для других тюркских языков.

2.4. Форма прошедшего времени на *-чых*

Эта форма имеет следующие аффиксы с сингармоническими фонетическими вариантами: *-чых/-чик*, *-чык/-чик*. Эта специфическая форма обладает значением «прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности, результативности» [Грамматика..., 1975, с. 221].

В отличие от изложенных выше форм прошедшего времени на *-ган* и *-ды*, которые имеются во всех тюркских языках народов Южной Сибири, форма на *-чых* отмечена в хакасском (в качинском и кызыльском диалектах), в тувинском, а также в киргизском языках [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 432; Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 375–379]. Употребление формы на *-чых* ориентировано на то, чтобы в чётком и сжатом виде передать общий смысл сказки. С её помощью достигается, с одной стороны, отстранённость говорящего от излагаемых событий и опосредованность источника информации, а с другой стороны, точное отображение позиции говорящего к излагаемой им истории – уверенное утверждение. Такое сочетание смыслов делает речь экспрессивной, убедительной. Однако следует помнить, что временная форма на *-чых* используется главным образом для описания коротких сказок, где излагаются главные

факты как ряд взаимосвязанных событий и практически не даются детальные разъяснения и описания фонового характера. Создаётся эффект прямой речи, достигается динамичность повествования. В сказках такого типа обычно не наблюдается активное её взаимодействие с другими временными формами. Практически во всех языках, где встречается эта форма, отмечается её особая экспрессивность и ограниченная диалогической речью сфера употребления. На использование этой формы, не выходящей за рамки прямой речи, указывал и Д. М. Насилов [Насилов, 1966].

3. Заключение

Итак, каждая из представленных в статье временных форм функционирует в значении: прошедшего повествовательного – форма на *-ган*; прошедшего результативного – форма на *-ды*; прошедшего неочевидного – форма на *-тыр*, которая определяет свою роль в организации текста сказки в соответствии со своим базовым значением в хакасском языке. Употребление хакасской временной формы на *-чых*, для повествования небольших по объёму фольклорных текстов связано по всей видимости со стилистическим приёмом, создающим эффект устной монологической речи, где экспрессивность создаётся контрастом двух семантических составляющих, в частности уверенного утверждения с имплицитно выраженным значением неочевидности. Форма прошедшего времени на *-чых* – это специфическая форма, применяемая в повествовании фольклорного текста и используемая сказителями крайне редко в качестве стилистического приёма, вносящего в повествование оригинальную семантику уверенного утверждения и непричастности рассказчика к излагаемым событиям, т. е. сочетание утвердительной модальности с эвиденциальностью.

Список литературы

- Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953 – Баскаков, Н. А. Хакасский язык [Текст] / Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул // Хакасско-русский словарь. – М. : Госизд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 488 с.
- Боргоякова, 2002 – Боргоякова, Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями [Текст] / Т. Н. Боргоякова. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 174 с.
- Грамматика..., 1975 – Грамматика хакасского языка [Текст] / под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1975. – 418 с.
- Дыренкова, 1948 – Дыренкова, Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Н. П. Дыренкова. – Абакан : Хакасское областное книжное изд-во, 1948. – 124 с.
- Исхаков, Пальмбах, 1961 – Исхаков, Ф. Г. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология [Текст] / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. – М. : Изд-во вост. Лит., 1961. – 472 с.
- Карпов, 2007 – Карпов, В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития : монографический сб. науч. статей [Текст] / В. Г. Карпов. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. – 260 с.
- Насилов, 1966 – Насилов, Д. М. Прошедшее время на *-juk/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках [Текст] / Д. М. Насилов // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный. – М. : Наука, ГРВЛ, 1966. – С. 92–104.
- Рассадин, 1978 – Рассадина, В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении [Текст] / В. И. Рассадина. – М. : Наука, 1978. – 286 с.
- Субракова, 2007 – Субракова, О. В. Язык хакасского героического эпоса [Текст] / О. В. Субракова. – Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2007. – 182 с.
- ХП – Хара Паар : хакасские народные сказки и легенды на хакасском языке = Хара Паар : хакасские чонының ныхахтары, кип-чоохтары [Текст] / [сост. и лит. обраб. П. А. Троякова]. – Абакан : Красноярское книжное изд-во, Хакасское отделение, 1979. – 127 с.

- ХЧН – Хакас чоннынн нымахтары = Хакасские народные сказки : на хакасском языке [Текст] / сост. В. И. Доможаков. – Абакан : Красноярское книжное изд-во, Хакасское отделение, 1986, – 144 с.
- Щербак, 1981 – Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол [Текст] / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1981. – 183 с.

References

- Baskakov, N. A., Inkizhekova-Grekul, A. I. (1953). *Khakasskiy yazyk* [The Khakas language]. *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian Dictionary]. Moscow : Inostrannye i natsionalnye slovari Press.
- Borgoyakova, T. N. (2002). *Sposoby vyrazheniya vremennykh otnosheniy mezhdu dvumya sobytiyami* [The patterns of expressing temporal relations between two events]. Moscow : RUDN Press.
- Baskakov, N. A. (Ed.). (1975). *Grammatika khakasskogo yazyka* [Khakass grammar]. Moscow : Nauka Press.
- Dyrenkova, N. P. (1948). *Grammatika khakasskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Khakass grammar. Phonetics and morphology]. Abakan : Khakassia Regional Press.
- Iskhakov, F. G., Palmbakh, A. A. (1961). *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Tuvinian grammar. Phonetics and morphology]. Moscow : Vostochnaya literatura Press.
- Karpov, V. G. (2007). *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [The Khakas language: Challenges and perspectives]. Abakan : Katanov State University of Khakassia Press.
- Nasilov, D. M. (1966). Proshedshee vremya na -juk/-juq v drevneuypgurskom yazyke i ego refleksy v sovremennykh yazykakh [Past tense with -juk/-juq suffix in ancient Uyghur language and its reflexes in modern languages]. In S. G. Klyashtornyy (Ed.), *Tyurkologicheskiy sbornik. K shestidesyatiletiiu A. N. Kononova* [Turkic studies. A commemorative volume to the 60th anniversary of A. N. Kononov] (pp. 92–104). Moscow : Nauka, GRVL Press.
- Rassadin, V. I. (1978). Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [The Tofalar morphology in comparative aspect]. Moscow : Nauka Press.
- Subrakova, O. V. (2007). *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epos]. Abakan : Khakassia Press.
- Troyakov, P. A. (Ed.). (1979). *Khara Paar : khakas chonnynyn nymakhtary, kip-chookhtary* [Fairy tales and legends of Khakassia] (In Khakas). Abakan : Krasnoyarsk Press, Khakas Department. (KhP).
- Domozhakov, V. I. (Ed.). (1986) *Khakas chonnynyn nymakhtary* [Fairy tales of Khakassia] (In Khakas). Abakan : Krasnoyarsk Press, Khakas Department. (KhChN).
- Shcherbak, A. M. (1981). *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol* [Essays on comparative morphology of the Turkic languages. Verb]. Leningrad : Nauka Press.